

28477

Студ. С. Григорьянцъ\*



СЛѢДУЕТЪ ЛИ ОТРИЦАТЬ  
СУЩЕСТВОВАНИЕ  
**МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА ВООБЩЕ**  
~~35046~~  
И  
**ПРАВО ВОЙНЫ ВЪ ЧАСТНОСТИ**

Цѣна 10 коп.

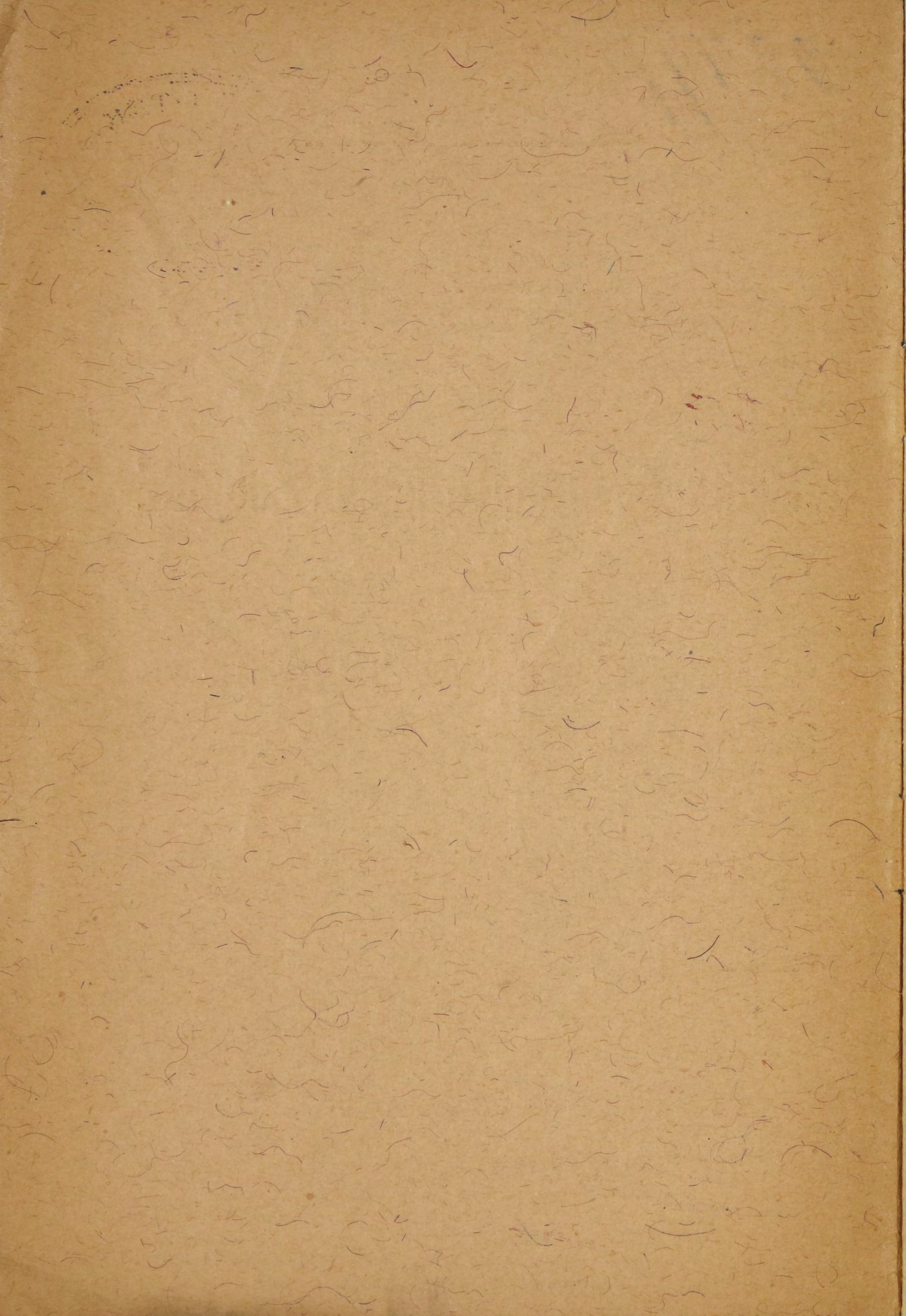


ОДЕССА.

Типографія С. Скарлато и А. Долинскаго, Красный пер., д. № 5.

1911.







28477

Студ. С. Григорьянцъ.



СЛѢДУЕТЪ ЛИ ОТРИЦАТЬ

~~35045~~

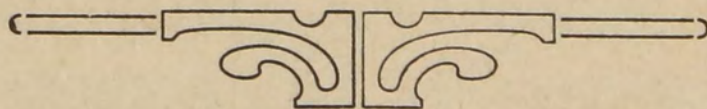
СУЩЕСТВОВАНИЕ

**МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА ВООБЩЕ**

И

**ПРАВО ВОЙНЫ ВЪ ЧАСТНОСТИ**

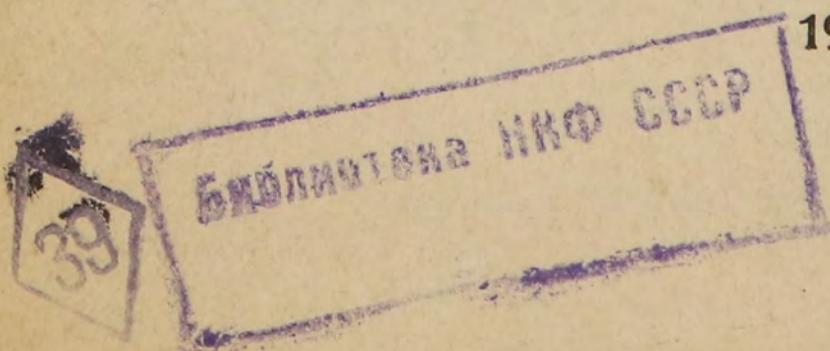
Цѣна 10 коп.



ОДЕССА.

Типографія С. Скарлато и А. Долинскаго, Красный пер., д. № 5.

1911.



39



11

85334



## Слѣдуетъ ли отрицать существованіе международнаго права вообще и право войны въ частности?

Большинство современныхъ юристовъ, какъ это однако, ни странно, неохотно соглашается допустить господство права въ области международныхъ отношеній. Немногіе признають вообще существованіе международнаго права, а еще меньше число тѣхъ, которые считаютъ возможнымъ опредѣлить юридическими нормами отношенія между воюющими народами.

Отрицаніе международнаго права, какъ права вообще, наблюдается съ давнихъ поръ. Когда впервые, въ XVII стол. Гуго Гроцій положилъ прочныя основы научной обработкѣ международнаго права, то еще тогда явились скептики и критики вновь нарождавшейся науки, и труды Гроція объявлены были бесполезными и несостоятельными. По мнѣнію этихъ отрицателей, не можетъ быть права тамъ, гдѣ, какъ въ международныхъ отношеніяхъ при отсутствіи законовъ и общей власти, естественно и на всемъ просторѣ могутъ господствовать эгоизмъ и своекорыстіе<sup>1)</sup>.

Французскій публицистъ Рейневаль по поводу международнаго права замѣчаетъ, что „нѣтъ права тамъ, гдѣ нѣтъ верховной власти“. Во взаимныхъ отношеніяхъ народовъ, по мнѣнію Рейневаля, „суще-

---

<sup>1)</sup> Ивановъ. Характеристика международныхъ отношеній и международнаго права въ историческомъ развитіи 1874 г., стр. 11.



ствують только нравственныя обязанности, вытекающія изъ разума, который показываетъ, что извѣстный образъ дѣйствій всего болѣе способствуетъ всеобщему счастью“.

На взглядъ Савиньи, международное право является несовершеннымъ, какъ по неопредѣленности его постановленій, такъ и по отсутствію общей власти и суда надъ отдѣльными государствами. Нѣмецкій же юристъ Пухта пишетъ, что „можно говорить о международной нравственности (*comita gentium*), но никакъ не о международномъ правѣ“. Право, по его мнѣнію, должно имѣть извѣстную форму принудительности.

Подобная точка зрѣнія находитъ себѣ мѣсто особенно въ германской юридической литературѣ: „основаніе права—сила, право же безъ силы—мечта“. Тамъ, гдѣ нѣтъ силы, замѣчаетъ Р. Іерингъ, нѣтъ принужденія, не можетъ быть рѣчи о правѣ. И такъ какъ въ области международныхъ отношеній нѣтъ верховной силы и власти, которой подчинялись бы государства, то ясно, что не можетъ быть также ни права международного вообще ни права войны въ особенности.

Таковы, въ общемъ, основныя воззрѣнія нѣкоторыхъ юристовъ на международное право. Отрицая, обыкновенно, международное право, какъ совокупность извѣстныхъ принудительныхъ нормъ, вышеназванные писатели (и многіе другіе) исходятъ изъ той мысли, что нѣтъ въ международномъ правѣ общаго, такъ сказать, международного законодательства, нѣтъ общей власти въ международномъ союзѣ и наблю-



дается отсутствіе недостаточной принудительности въ отношеніи международныхъ обязательствъ.

Возражая противъ перваго довода, слѣдуетъ замѣтить, что законъ является не единственнымъ источникомъ права, а служитъ, говоритъ Ивановъ <sup>1)</sup>, болѣе удобнымъ, или болѣе яснымъ его выраженіемъ. Право исторически проявлялось и въ формѣ обычая и въ формѣ договора <sup>2)</sup>. И въ государственномъ быту, кромѣ закона, другимъ источникомъ права является обычай, который иногда бываетъ даже настолько силенъ или настолько въ нравахъ народа, что и самый законъ неизбѣжно долженъ согласоваться съ обычаемъ, чтобы имѣть въ жизни дѣйствительное значеніе <sup>3)</sup>. И въ международной жизни существуютъ подобные обычаи и служатъ также однимъ изъ главныхъ источниковъ международнаго права.

Такъ называемое „*jus scriptum*“—второй и наиболее важный источникъ всеобщаго права народовъ. Здѣсь государства заключаютъ между собою договоры, конвенціи, которыя и регулируютъ внѣшнія ихъ отношенія.

Такимъ образомъ, договорнымъ и обычнымъ является международное право. Здѣсь почти все покоится на соглашеніи, обязательность исполненія котораго основывается на признаніи правоспособности одного государства другимъ. Государства, говоритъ прсф. Мартенсъ, должны признать другъ друга субъектами права, должны признать взаимныя права, иначе никакія соглашенія между ними невозможны.

---

<sup>1)</sup> Ивановъ, стр. 13.

<sup>2)</sup> Казанскій, Учебникъ международнаго права, стр. XLIX 1904 г.

<sup>3)</sup> Ивановъ, стр. 13.



Другими словами, обязательность международных договоров вытекает изъ понятія о международномъ общеніи—ubi societas, ibi jus est.

Но и отсутствіе общей власти въ международномъ правѣ, какъ и отсутствіе общаго законодательства, еще не говоритъ въ пользу несуществованія международного права. Отсутствіе общей международной власти служитъ здѣсь причиною существованія особенныхъ своеобразныхъ способовъ охраненія международного права. Вѣдь существованіе власти лишь способствуетъ осуществленію, или проявленію права, но право существуетъ само по себѣ и помимо власти. Доказывать обратное, значитъ не признавать въ нѣкоторыхъ случаяхъ существованія права и внутри государствъ, какъ, напр., во время революцій или при дурномъ судоустройствѣ, а также въ случаѣ необходимости обороны и т. под. <sup>5)</sup>).

Если не совсѣмъ, то отчасти общую власть въ международномъ правѣ замѣняютъ международные конгрессы, международное посредничество и международные суды, напр., третейскіе. Принужденіе, организованное къ соблюденію права народовъ, выражается обыкновенно въ репрессаліяхъ и въ войнѣ.

Жизнь сама намъ показываетъ, что признаніе своихъ правъ и исполненіе обязанности государства требуютъ путемъ насильственного принужденія. Это положеніе ясно говоритъ въ пользу признанія международныхъ отношеній не нравственными, а юридическими.

Отрицать существованіе международного права, значитъ закрывать глаза на все насъ окружающее.

---

<sup>1)</sup> Ивановъ, стр. 15.



Стоитъ только просмотрѣть любой номеръ періодической печати и вы увидите, какъ одно государство вступаетъ въ соглашеніе съ другимъ, назначаетъ посланника, предъявляетъ ультиматумъ и, однимъ словомъ, проявляетъ жизнь на международномъ поприщѣ. Государства сходятся на международныхъ конгрессахъ (Гаагская конференція 1899 и др.), заключаютъ договоры, выносятъ резолюціи и обмѣниваются взаимными уступками. Наконецъ, не является ли фактическимъ подтвержденіемъ существованія международного права институтъ консульства и дипломатическихъ агентовъ, которые, будучи представителями своего отечества въ другихъ государствахъ, такъ зорко слѣдятъ за ненарушимостью опредѣленныхъ международныхъ нормъ въ отношеніи своихъ соотечественниковъ, находящихся за-границею. Кромѣ того, благодаря взаимнымъ договорамъ и уступкамъ, получила широкое распространеніе всемірная торговля, и особенно сильно сталъ развиваться всемірно-гражданскій оборотъ.

Все это, взятое въ совокупности, лишній разъ свидѣтельствуется о великомъ значеніи международного права въ дѣлѣ сношеній современныхъ государствъ. Въ будущемъ, всеобщему праву народовъ будетъ принадлежать одно изъ первыхъ мѣстъ; право это развивается чуть ли не съ каждымъ часомъ.

Въ частности, коснемся вопроса о правѣ войны. Намъ говорятъ, что подобно тому, какъ нельзя говорить о правахъ лютаго звѣря, несознающаго никакихъ обязанностей, точно такъ же является страннымъ доказывать, что народы имѣютъ какія-нибудь



права во время войны. Вотъ положеніе, согласиться съ которымъ отнюдь нельзя. Казалось бы даже страннымъ, что въ нашъ вѣкъ, когда существуютъ такія постановленія, какъ, напр., Женевская конвенція о раненыхъ 1864 г. или такъ называемая Брюссельская декларация 1874 г., очень часто раздаются голоса, отрицающіе вообще существованіе какого бы то ни было права войны. „Война есть система насилій, исключаящая по своему существу всякую идею права“, говорятъ намъ (напр., Рюстовъ, Клаузевицъ и др.), „и ея единственный законъ есть военная необходимость, цѣлесообразность: реализмъ войны исключаетъ собою идеализмъ международнаго права (Гартманъ) <sup>1)</sup>).

Возможно ли, въ дѣйствительности, существованіе права войны, не есть ли это выраженіе—*contradictio in adjecto*, совмѣстимо ли, другими словами, право съ квалифицированнымъ видомъ насилія и самоуправства, именуемымъ войною, и, если да, то въ какомъ объемѣ можно говорить о подчиненіи военнаго насилія праву? <sup>2)</sup>).

Право войны, какъ таковое, имѣетъ за собою историческій опытъ нѣсколькихъ вѣковъ и, можно сказать, существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ государства пришли къ сознанію своихъ обязанностей въ отношеніи другъ друга. Оно не отрицаемо, оно существуетъ и заключается въ совокупности тѣхъ обязательныхъ нормъ и условій, которыя опредѣляютъ дѣйствія государствъ и ихъ вооруженныхъ силъ во время войны.

---

<sup>1)</sup> Бар. Таубе. Принципы мира и права въ международныхъ столкновеніяхъ среднихъ вѣковъ. 1899, стр. 146.

<sup>2)</sup> Бар. Таубе, стр. 147.



Въ основѣ этихъ нормъ заложено неподкупное чувство правды и справедливости. Чувство гуманнаго отношенія къ своимъ побѣжденнымъ врагамъ составляетъ основной принципъ этого права, и во имя его честь и неприкосновенность мирныхъ обывателей непріятельской территоріи должны быть гарантированы побѣдителемъ.

При бѣгломъ взглядѣ на военную практику древняго міра можно констатировать то ужасное и безпощадное взаимное истребленіе воюющихъ лицъ, когда сознаніе взаимныхъ человѣческихъ правъ и обязанностей отсутствовало и эгоизмъ и чувство властолюбія господствовали въ умахъ тогдашнихъ народностей, а жизнь человѣческая цѣнилась сравнительно дешево. Но и то, несмотря на абсолютное господство физической силы, послѣдняя все же сдерживалась религіей, въ особенности христіанской, которая въ основѣ своей заключала чувство всеобщей любви и всепрощенія.

Съ теченіемъ же времени, когда люди начинаютъ постепенно сознавать свои права и видѣть ихъ въ другихъ народностяхъ, грубая физическая сила начинаетъ, въ свою очередь, укладываться въ извѣстныя опредѣленныя рамки и какъ бы закладываетъ, такимъ образомъ, фундаментъ праву войны.

Степень жестокости военныхъ дѣйствій можетъ лишній разъ констатировать культурное состояніе воюющихъ сторонъ, и чѣмъ выше нравственный идеаль даннаго народа, тѣмъ человѣчнѣе онъ будетъ вести войну, подчиняясь, при этомъ, извѣстнымъ законамъ и правиламъ войны, выработаннымъ вѣками. Можно съ увѣренностью сказать, что право войны,



какъ таковое отнюдь не является выдумкой человеческой фантазіи, а есть плодъ долгаго историческаго опыта и современнаго состоянія международной жизни.

Никогда еще не было такой настоятельной необходимости въ кодифицированіи права войны, какая наблюдается въ настоящее время. Въ пользу этого положенія особенно говоритъ фактъ небывалаго развитія военной техники, заставляющій стремиться, путемъ выясненія данныхъ, о враждующихъ сторонахъ, предупредить излишнія жестокости и тѣ страшныя бѣдствія, которыя могутъ произойти отъ международныхъ столкновеній.

Но къ великому сожалѣнію, мнѣніе это далеко раздѣляется не всѣми и находитъ многихъ противниковъ, доказывающихъ, что кодификація законовъ войны не только не мыслима, но что она даже крайне нежелательна. Ярымъ защитникомъ даннаго положенія выступилъ прусскій генераль фонъ-Гартманъ. „Реализмъ войны, говоритъ послѣдній, дѣлаетъ совершенно невозможнымъ установленіе какихъ бы то ни было непреложныхъ правилъ или законовъ—война есть беспощадная борьба между народами, и всѣ гуманныя попытки къ ограниченію ея бѣдствій должны исчезнуть передъ неумолимою серіозностью военныхъ операцій“.

Подобной же точки зрѣнія держится и швейцарскій полковникъ Рюстовъ, который съ явнымъ цинизмомъ насмѣхается надъ требованіемъ соблюденія извѣстныхъ правилъ и законовъ во время военныхъ дѣйствій, допуская при этомъ всякія насилія надъ побѣжденными, вплоть до обрѣзанія ушей.





Характерно, что подобныя мнѣнія стали высказываться особенно рѣзко послѣ созванія Россіей въ 1874 г, Брюссельской конференціи именно съ цѣлью кодификаціи законовъ войны.

Нѣкоторые же, придерживаясь взглядовъ Рюстова и Гартмана, видятъ въ этомъ скорѣйшее прекращеніе вообще военныхъ дѣйствій вслѣдствіе ея особыхъ жестокостей. Война, говоритъ Бичеръ-Лауренсъ, должна быть ужасна, чтобы возбудить отвращеніе къ себѣ въ народахъ и монархахъ. Но взглядъ Бичеръ-Лауренса, очевидно, слишкомъ пессимистическій, отрицающій возможность болѣе полного развитія гуманности въ природѣ человѣка, и практика жизни отнюдь не согласуется со взглядомъ уважаемаго Бичеръ-Лауренса. Государства именно и стараются по возможности ограничить звѣрства и ужасы современныхъ войнъ, а потому недалеко то время, когда кодификація права войны осуществится и будетъ служить лучшимъ оружіемъ при тѣхъ или иныхъ столкновеніяхъ современныхъ государствъ. Напомню лицамъ, отрицающимъ не только возможность кодификаціи права войны, но и существованіе послѣдней, тѣ постановленія государствъ, которыя нашли себѣ мѣсто XIX вѣкѣ.

Возьмемъ, напр., постановленія Женевской конвенціи 1864 г., охраняющія раненыхъ и больныхъ воиновъ. Развѣ этотъ великій актъ не можетъ служить яснымъ подтвержденіемъ того всеобщаго принципа, что право войны существуетъ и дѣйствуетъ, обыкновенно, между воюющими сторонами? Каждому, я думаю, хорошо извѣстно, какимъ страданіямъ и



мученіямъ подвергались лица на поляхъ сраженія, когда не была организована медицинская помощь, и сохраненіе жизни больного и раненаго воина не было достаточно гарантировано.

Принципы Женевской конвенціи 1864 г. не были извѣстны среднимъ вѣкамъ и даже новому времени, хотя бы въ самыхъ рудиментарныхъ своихъ зачаткахъ, и военная исторія этой эпохи является сплошнымъ доказательствомъ того прискорбнаго факта, что грабить и добивать непріятельскихъ раненыхъ не считалось *contra fas et licitum* <sup>1)</sup>. Даже, замѣчаетъ Брандъ въ своей „Исторіи военнаго искусства“, роль пѣхоты заключалась отчасти именно въ грабежѣ и истребленіи раненыхъ.

Поворотнымъ пунктомъ въ этой области проф. бар. Таубе <sup>2)</sup> считаетъ скромную проповѣдь малоизвѣстнаго нѣмецкаго писателя Johann der Seffner'a, который уже въ концѣ XIV вѣка въ своей „Zer von den Streiten“ провозгласилъ необходимость гуманнаго обращенія съ ранеными воинами. Къ этому же времени начинаютъ появляться при арміяхъ военные врачи, аптеки, госпитальные фургоны и проч. Это, такъ сказать, первый этапъ развитія въ дѣлѣ помощи больнымъ и раненымъ воинамъ среди прежней безжалостной и звѣрской практики. Окончательную кодификаціонную форму идея эта находитъ въ постановленіяхъ Женевской конвенціи 1864 г. Въ настоящее же время, символомъ христіанской любви и гуманности служитъ Красный Крестъ, признаваемый всѣми европейскими народностями, гдѣ больные и

---

<sup>1)</sup> Бар. Таубе, стр. 237.

<sup>2)</sup> Бар. Таубе, стр. 239.



раненные воины находятъ себѣ безопасное мѣсто отъ гибельныхъ снарядовъ и неминуемой смерти.

Намъ могутъ возразить, ссылаясь на послѣднюю осаду Портъ-Артурской крѣпости, что нормы конвенціи 1864 г. были сплошь и рядомъ нарушаемы японцами, которые, несмотря на неоднократное предупрежденіе со стороны властей осаждаемаго Артура, тѣмъ не менѣе продолжали обстрѣливать госпитали и военные лазареты. Совершенно справедливо, подобные факты, въ дѣйствительности, имѣли мѣсто въ послѣднюю Русско-Японскую войну 1904—1905 г.г., но вѣдь отсюда еще не слѣдуетъ возможность полного отрицанія постановленій конвенціи 1864 г.: и право внутренне—государственное съ неменьшимъ успѣхомъ нарушается отдѣльными лицами и даже цѣлыми обществами, несмотря на тѣ послѣдствія, которыя въ большинствѣ случаевъ грозятъ нарушителямъ, вплоть до смертной казни. Къ тому же, эта первая попытка къ кодификаціи международныхъ правилъ и законовъ военныхъ дѣйствій съ ясностью показываетъ вопреки мнѣнію Гартмана и другихъ, что идеализацію войны можно совмѣстить въ нѣкоторомъ отношеніи съ идеализмомъ международнаго права.

Великая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ Россіи, которая такъ чутко всегда прислушивалась къ малѣйшимъ страданіямъ человѣчества и по мѣрѣ своихъ силъ приходила ему на помощь. Всѣ дальнѣйшія попытки въ дѣлѣ кодификаціи нормъ международнаго права, послѣ Женевской конвенціи 1864 г. принадлежитъ Россіи, созвавшей въ 1868 г. въ Петербургѣ международную конвенцію для урегу-



лированія вопроса о примѣненіи разрывныхъ пуль во время войны, и въ 1874 году — Брюссельскую конференцію для опредѣленія обычаевъ и законовъ войны вообще. Наконецъ, великая мирная Гаагская конференція 1899 г., созванная по почину Государя Императора Николая II, еще лишній разъ доказала, насколько вопросы права войны волнуютъ современное общество и находятъ себѣ подтвержденіе въ различныхъ конвенціяхъ и договорахъ. Но, однако, какъ это ни странно, Англія, эта колыбель, если можно такъ выразиться, современной культуры и гуманности, не только не содѣйствовала, но даже противилась всякаго рода попыткамъ къ ограниченію военныхъ бѣдствій; она всегда являлась защитницею самаго неограниченнаго произвола для нанесенія вреда противнику, прибѣгая, при этомъ, ко всякимъ средствамъ. Яркимъ выразителемъ подобнаго взгляда въ Англіи является извѣстный юристъ Ф или м о р ъ.

Весь этотъ вышеизложенный довольно въ конспективной и схематической формѣ матеріаль, думается мнѣ, съ очевидной ясностью свидѣтельствуетъ о томъ великомъ значеніи, которое играетъ право международное вообще и право войны въ частности. Отрицать то и другое, значитъ не признавать элементарныхъ формъ человѣческихъ отношеній и того прогресса цивилизаціи, какимъ владѣемъ мы въ настоящее время.

---



